

А.И. Яроцкий

**Альтруистическая мораль и ее
индивидуалистическое обоснование**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А.И. Яроцкий**
Альтруистическая мораль и ее индивидуалистическое обоснование / А.И. Яроцкий – М.: Книга по Требованию, 2024. – 58 с.

ISBN 978-5-458-54958-5

ISBN 978-5-458-54958-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

разъ приходилось слышать, что моя точка зрѣнія есть ничто иное, какъ утонченный утилитаризмъ, утилитаризмъ второго порядка, что человѣкъ, хотя бы онъ и не стремился къ внѣшней пользѣ и выгодѣ, согласно этой точкѣ зрѣнія долженъ поступать нравственно въ виду того, что это является для него средствомъ достигъ наиболее яркой, полной и счастливой жизни. Мнѣ кажется это замѣчаніе не вполне справедливо. Съ моей точки зрѣнія человѣкъ поступаетъ нравственно, потому что это соответствуетъ глубокимъ основамъ его душевной природы; то обстоятельство, что это поведение является, какъ мы старались показать, въ высшей степени благотѣльнымъ для него (и слѣдовательно полезнымъ), очень важно для объективной оцѣнки его поведения, но не дѣлаетъ его поведения въ силу этого утилитаристичнымъ. Человѣкъ поступаетъ нравственно въ силу внутреннего импульса: его поведение было бы утилитаристичнымъ только въ томъ случаѣ, если бы онъ поступалъ по расчету, но этого то и нѣтъ въ этомъ случаѣ. Такъ, религіозный человѣкъ знаетъ, что за исполненіе заповѣдей онъ получитъ блаженство, но онъ религіозенъ и живетъ по заповѣдямъ не изъ за этого, а потому что это вытекаетъ изъ его душевнаго склада; въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы истинно религіознымъ человѣкомъ.

Нравственнымъ поведеніемъ съ нашей точки зрѣнія будетъ такое поведение, которое наиболее соответствуетъ законамъ человѣческой природы, которое наиболее соответствуетъ предписаніямъ душевной гигиены, и которое въ силу этого наиболее полезно для индивидуума, принимая терминъ полезное не въ смыслѣ внѣшнихъ выгодъ, а въ смыслѣ внутреннего блага, здоровья. Это опредѣленіе нравственности, какъ мнѣ кажется, совершенно совпадаетъ съ опредѣленіемъ нравственности у Спинозы. Въ подтвержденіе этого можно привести слѣдующія цитаты изъ „Этики“.

„Такъ какъ добродѣтель есть ничто иное, какъ слѣдованіе законамъ своей собственной природы и каждый стремится сохранить свое существованіе только согласно законамъ своей собственной природы, то изъ этого вытекаетъ: во первыхъ, что основа добродѣтели заключается въ стремленіи сохранить свое существованіе и счастье въ томъ, что человѣкъ

можетъ сохранить свое существованіе. Во вторыхъ, слѣдуетъ, что къ добродѣтели нужно стремиться ради ея самой и что не существуетъ больше ничего болѣе цѣннаго или полезнаго для насъ, ради чего слѣдовало бы стремиться къ добродѣтели...“¹⁾

„Если поступки вытекаютъ безусловно изъ добродѣтели, то это есть для насъ ничто иное, какъ поступать согласно стремленію къ собственной пользѣ подъ руководствомъ разума, жить и сохранять свое существованіе (эти три выраженія обозначаютъ одно и то же)“.

Б. Поступать безусловно согласно добродѣтели это значить поступать согласно законамъ собственной природы“²⁾.

1) B. von Spinoza. Ethik. Philosophische Bibliothek, herausgegeben von J. H. von Kirschmann. Leipzig, 1877. IV. Theil. Von der menschlichen Knechtschaft. L. 18, E., S. 181.

2) Ibidem. L. 24, S. 185.

Изслѣдуя поведеніе людей, мы замѣчаемъ два направленія ихъ дѣятельности: одна часть ихъ поступковъ направлена на сохраненіе и достиженіе непосредственнаго блага самого дѣйствующаго лица, между тѣмъ какъ другіе поступки имѣютъ цѣлью благо близкихъ ему людей, благо потомства, интересы рода, племени, наконецъ, можетъ быть, интересы всего человѣчества. Правда, между этими двумя направленіями поведенія не всегда легко провести границу: одинъ и тотъ же поступокъ можетъ въ одно и то же время служить на пользу какъ дѣйствующаго лица, такъ и болѣе широкихъ интересовъ. Такъ, заботясь о самосохраненіи, живое существо нѣ то же время служитъ и интересамъ своего рода, такъ какъ благосостояніе послѣдняго зависитъ отъ наличности наибольшаго числа возможно болѣе здоровыхъ и сильныхъ индивидуумовъ. Всѣ тѣ процессы, которые относятся къ размноженію, обычно сопровождаются такимъ повышеніемъ интенсивности жизненныхъ процессовъ, что это ведетъ, большею частью, къ процвѣтанію индивидуума. Однако, въ общемъ, мы легко можемъ установить наличность этихъ двухъ направленій въ дѣятельности людей. Характерная черта второй изъ этихъ группъ поступковъ заключается въ томъ, что здѣсь личность ограничиваетъ свое поведеніе ради интересовъ, лежащихъ внѣ ея. Если эти поступки отражаются въ сознаніи, а обычно это и не можетъ быть иначе, то они относятся къ области нравственности.

Поступки такого рода и душевныя движенія, наблюдаемыя при этомъ, не составляютъ исключительной особенности только людей, но наблюдаются и у высшихъ, живущихъ обществами,

животныхъ. Такъ, Брэмъ въ своей «Жизни животныхъ» приводитъ замѣчательное наблюденіе, цитируемое Дарвиномъ, о томъ, какъ старый самецъ павіанъ, съ опасностью для собственной жизни, спасъ отъ стаи собакъ дѣтеныша. Все поведеніе павіана въ этомъ случаѣ вполне походило на дѣйствія человѣка-героя при подобныхъ же обстоятельствахъ ¹⁾. Подобные же факты встрѣчаются въ жизни и другихъ стадныхъ животныхъ. Этимъ двумъ указаннымъ выше направленіямъ внѣшней дѣятельности въ психикѣ соотвѣтствуютъ, въ общихъ чертахъ, два направленія душевной жизни: эгоизмъ и альтруизмъ.

Обратимся теперь къ вопросу, какъ относятся другъ къ другу эти два основныхъ направленія душевной дѣятельности. Нельзя не согласиться съ Зиммелемъ, что было бы весьма неосновательно отказывать одному изъ нихъ въ самостоятельномъ значеніи, сводя проявленія его къ проявленіямъ другого. Нельзя одно изъ нихъ, напримѣръ, эгоизмъ, считать естественнымъ и признавать другое—альтруизмъ, производнымъ, искусственнымъ. Есть мало понятій, говоритъ Зиммель, съ которыми производилось бы столько злоупотребленій, столько кажущагося познанія вещей, какъ съ понятіемъ естественнаго. Ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, по его словамъ, что собственно значитъ, что эгоизмъ есть естественное душевное стремленіе, а альтруизмъ нѣчто другое. Надо или противопоставить сознаніе со всѣмъ его содержимымъ природѣ, какъ лишенному сознанія существованію, противопоставить всякое дѣйствіе, руководимое цѣлью, чисто механическому ходу вещей, но тогда и эгоистическая воля не войдетъ въ понятіе просто «природы», или надо считать за природу всю совокупность познаваемыхъ явленій, и тогда къ природѣ (естественному) будетъ относиться какъ пожертвованіе эгоизмомъ, такъ и слѣдованіе ему.

Доказать, что эгоизмъ является основнымъ, естественнымъ душевнымъ движеніемъ пытаются, указывая на его большее распространеніе. Но по этому поводу нужно замѣтить, что наши душевныя движенія такъ сложны, такъ переплетаются другъ съ другомъ и видоизмѣняются подъ вліяніемъ внѣшней обстановки и взаимодействія, что статистика въ этомъ отношеніи непримѣнима, и вопросъ о большей частотѣ эгоистическихъ

¹⁾ Брэмъ. Жизнь животныхъ. Спб., 1866, стр. 177.

и альтруистическихъ душевныхъ движеній нельзя рѣшить съ ясностью.

Эгоизму придаютъ основное значеніе еще потому, что сравнительно легко каждое дѣйствіе, хотя бы по существу альтруистическаго характера, объяснить эгоистическими мотивами, между тѣмъ эгоистическія дѣйствія объяснить альтруистическими мотивами большею частью не удастся. Поэтому выставить эгоизмъ основной душевной силой является болѣе удобнымъ, когда хотятъ сложное душевное содержаніе свести къ болѣе простой схемѣ и всю душевную наличность вывести изъ одного принципа. Такое стремленіе тѣмъ сильнѣе, что нашему сознанію вообще свойственна склонность ради экономіи силъ сводить разнообразіе къ единому источнику. Но вѣдь задача изслѣдованія заключается не въ томъ, чтобы получить возможно болѣе простую и легко усвояемую схему, а въ томъ, чтобы достигнуть возможно болѣе полного и вѣрнаго представленія о дѣйствительности.

Эгоизмъ считаютъ основнымъ свойствомъ души еще вслѣдствіе того, что считаютъ возможнымъ доказать его болѣе раннее появленіе въ исторіи человѣчества и въ исторіи развитія ребенка по сравненію съ альтруизмомъ: всякій ребенокъ сперва эгоистъ и только потомъ ему дѣлаются доступными альтруистическія чувства. По этому поводу можно сказать, что мы почти совершенно не знаемъ людей первобытной культуры, живущихъ изолированно; всегда мы встрѣчаемся съ людьми, живущими группами, племенами, семьями, такимъ образомъ у нихъ эгоистическія и альтруистическія чувства должны встрѣчаться одновременно. Да, къ тому же, если бы мы и могли доказать, что эгоизмъ раньше появляется, чѣмъ альтруизмъ, это ничего не доказывало бы, какъ справедливо говоритъ Зиммель. Вѣдь у каждаго животнаго въ его развитіи мы сперва можемъ констатировать проявленіе голода, а потомъ съ наступленіемъ зрѣлости—полового чувства, но, вѣдь, это не говоритъ за то, что голодъ болѣе естественное чувство, чѣмъ половой инстинктъ ¹⁾. Все это заставляетъ насъ принимать и эгоизмъ, и альтруизмъ за важныя и основныя свойства душевной жизни человѣка и заставляетъ избѣгать стремленія выразить все душевное содержа-

¹⁾ Simmel, l. стр., 86 и folgende.

ніе въ явленіяхъ только одного изъ этихъ двухъ направленій душевной дѣятельности.

Характерной чертой поступковъ, направленныхъ на пользу ближняго, является наличность сильнаго внутренняго, иногда непреодолимаго, стремленія дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи. Внутри насъ въ этихъ случаяхъ говоритъ какой-то голосъ, которому или нельзя не повиноваться, или ослушаніе которому сопровождается болѣе или менѣе мучительнымъ чувствомъ неисполненнаго долга. Насколько такое стремленіе дѣйствовать на пользу ближняго можетъ быть сильно и независимо отъ какихъ-либо побочныхъ соображеній, указываетъ примѣръ, приводимый Гюйо.

Одинъ изъ рабочихъ на заводѣ для обжиганія извести на Пиренеяхъ, спустившись въ печь съ цѣлью объяснить себѣ какое-то случившееся тамъ разстройство, падаетъ отъ удушья; къ нему бросается на помощь другой и падаетъ. Какая-то женщина, свидѣтельница катастрофы, зоветъ на помощь, сбѣгаются рабочіе. Въ третій разъ спускается человѣкъ въ раскаленную печь и падаетъ. Прыгаютъ четвертый и пятый и гибнутъ. Остается одинъ, онъ подбѣгаетъ и хочетъ прыгнуть, но вдругъ случившаяся тутъ женщина повисаетъ у него на платьѣ и, обезумѣвъ отъ ужаса, удерживаетъ его у края. Позже, когда на мѣсто происшествія явился прокурорскій надзоръ, чтобы нарядить слѣдствіе, спросили оставшагося въ живыхъ рабочаго насчетъ его необдуманнаго самоотверженія, причемъ чиновникъ съ важностью принялся доказывать ему все неблагоразуміе его поведенія; рабочій далъ удивительный отвѣтъ: «Товарищи мои умирали, нужно было идти туда».

Въ другихъ случаяхъ это внутреннее чувство является непреодолимой задерживающей силой. Такъ, опять же Гюйо приводитъ слѣдующій рассказъ американскаго проповѣдника Паркера: «Я былъ еще крошкой, мнѣ было не больше четырехъ лѣтъ; я никогда не убивалъ ни малѣйшей твари, но я видѣлъ, какъ другія дѣти находятъ забаву въ истребленіи птицъ, бѣлокъ и другихъ небольшихъ животныхъ. Однажды, въ неглубокомъ пруду я замѣтилъ небольшую крапчатую черепаху, грѣвшуюся на солнцѣ; я замахнулся было на нее палкой.. Вдругъ что-то остановило мою руку, и я услышалъ въ себѣ ясный и сильный голосъ, который сказалъ: это дурно. Весь пораженный этимъ

новымъ чувствомъ, этой невѣдомой силой, которая во мнѣ и противъ моей воли стала поперекъ моихъ дѣйствій, я продержалъ въ воздухѣ поднятую палку, пока не потерялъ черепаху изъ вида... Могу увѣрить васъ, говоритъ онъ, что никакое событіе въ жизни не оставило во мнѣ болѣе глубокаго и сильнаго впечатлѣнія» ¹⁾).

Дѣлались попытки объяснить направленное къ осуществленію общаго блага поведеніе изъ эгоистическихъ мотивовъ: человѣкъ долженъ поступать соотвѣтственно нравственнымъ правиламъ, такъ какъ это для него самое практичное. Но всѣ такія узко-утилитарныя построенія не выдерживаютъ критики: ихъ нѣтъ никакой возможности обосновать. Очень часто отдать кусокъ своего хлѣба голодающему значитъ не насытиться самому. Самопожертвованіе, вытекающее изъ внутренняго чувства, заставляющаго человѣка совершить его, есть дѣйствительно самопожертвованіе, такъ какъ вѣдь оно часто подразумѣваетъ и пожертвованіе своей жизнью.

Другое объясненіе самопожертвованія и вообще альтруистическихъ поступковъ отыскивали на почвѣ ощущеній: у человѣка, настроеннаго альтруистически, отказъ отъ своихъ интересовъ въ пользу другого даетъ большее наслажденіе, чѣмъ какое бы онъ могъ получить отъ удовлетворенія тѣхъ желаній, отъ которыхъ онъ отказался. Эта точка зрѣнія точно такъ же не выдерживаетъ критики, такъ какъ она сводитъ явленія воли исключительно къ гедонистическимъ мотивамъ. Согласно этой точкѣ зрѣнія, человеческая воля направляется исключительно только пріятными или непріятными ощущеніями или ожиданіемъ подобныхъ ощущеній въ будущемъ. Правда, сторонники этой точки зрѣнія признаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявленія воли такъ внезапны и опредѣленны, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ, взятыхъ изъ Гюйо и приведенныхъ выше, что здѣсь не можетъ имѣть мѣста взвѣшиваніе и оцѣнка пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, которыя должны получиться въ будущемъ въ результатъ принятаго рѣшенія. Но такіе случаи считаются послѣдователями этой точки зрѣнія исключительными; для нихъ такія рѣшенія представляютъ собою или конденсированный результатъ многочисленныхъ сознательныхъ рѣшеній этого индивидуума въ прошломъ, или уна-

¹⁾ М. Гюйо. Очеркъ морали. Изд. „Знанія“. Спб., 1898, стр. 271.

слѣдованный имъ отъ его предковъ обычный способъ дѣйствія въ опредѣленныхъ обстоятельствахъ,—причемъ и тутъ въ рядѣ поколѣній многократно опредѣленный способъ дѣйствія сознательно принимался предками этого существа послѣ взвѣшиванія послѣдствій того или другого рѣшенія. Подробную критику этой точки зрѣнія, критику гедонистической мотивации воли, можно найти въ блестящей книгѣ проф. Л. І. Петражицкаго, куда мы и отсылаемъ читателя ¹⁾.

Скажемъ только, что волевые акты человѣка являются результатомъ приведенія въ дѣйствіе нервно-психическихъ механизмовъ. Это приведеніе въ дѣйствіе обусловливается самыми разнообразными факторами—внѣшними раздраженіями (звуками, зрительными впечатлѣніями и т. п.) и внутренними (химическими измѣненіями соковъ организма, психическими образами, возникающими въ сознаніи, и т. д.). Внезапное рѣшеніе человѣка можетъ также мало зависѣть отъ представленій и сравненій пріятныхъ и непріятныхъ послѣдствій его поступковъ, какъ мало, по всей вѣроятности, зависить отъ подобныхъ сопоставленій поведение зайца, почувшаго врага и стремглавъ бросающагося бѣжать.

Чѣмъ живое существо стоитъ выше, тѣмъ каждое его дѣйствіе сопровождается болѣе сложными и богатыми психическими переживаніями. Чѣмъ оно стоитъ ниже, тѣмъ, наоборотъ, его психическій міръ проще и бѣднѣе и только въ угоду теоретическимъ построеніямъ является нужнымъ приписывать сознательный выборъ рѣшенія людямъ, стоящимъ на гораздо болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ мы, и даже животнымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и мы поступаемъ опредѣленнымъ образомъ подъ вліяніемъ внезапнаго внутренняго импульса. Такимъ образомъ, нельзя признать, чтобы воля обусловливалась исключительно тѣми представленіями удовольствія и неудовольствія, которыя получатся отъ удовлетворенія тѣхъ или другихъ желаній. Въ основѣ волевого акта лежитъ стремленіе или потребность сдѣлать что-либо; эта потребность можетъ сопровождаться разнообразными интеллектуальными процессами и чувствованіями, которые въ большинствѣ случаевъ вліяютъ на конечный исходъ волевого акта, но не въ этихъ, зачастую только сопутствующихъ, ощущеніяхъ и размышленіяхъ заключается главное.

¹⁾ Л. Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности. Основы эмоціональной психологіи. 2-ое изд., Спб., 1907.

Человѣческій организмъ въ отвѣтъ на опредѣленную комбинацію внѣшнихъ обстоятельствъ реагируетъ опредѣленнымъ образомъ. Необходимость на извѣстныя обстоятельства отвѣчать опредѣленнымъ дѣйствіемъ, направленнымъ на пользу другихъ лицъ или общества, въ нашемъ сознаніи отражается въ формѣ чувства нравственнаго долга ¹⁾).

Когда мать жертвуетъ своею жизнью за жизнь своего ребенка, то представлять себѣ, что она это дѣлаетъ послѣ тщательнаго сопоставленія того, какова ея жизнь будетъ безъ ребенка и того чего она лишается, жертвуя своею жизнью — есть нелѣпое теоретизированіе въ угоду опредѣленной точкѣ зрѣнія. Мать жертвуетъ собою потому, что она не можетъ поступить иначе, а не на основаніи того, что это цѣлесообразно и принесетъ ей наиболѣе счастья.

Правда, можно теоретически построить цѣлую мораль, основанную на той схемѣ, что мать жертвуетъ собою за ребенка, такъ какъ она представляетъ себѣ, что жизнь безъ ребенка дастъ ей больше горя, чѣмъ сколько могли бы уравновѣсить удовольствія, которыя она можетъ получить въ послѣдствіи. Но эта мораль низшаго порядка по сравненію съ той, при которой человѣкъ жертвуетъ собою потому, что онъ не въ силахъ поступить иначе.

Точно также, можетъ быть, и возможно, что человѣкъ кидается въ воду, чтобъ спасти ребенка, подъ вліяніемъ представленія о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытываетъ послѣдній, или подъ вліяніемъ чувства благодарности къ родителямъ ребенка за испытанныя благодѣянія, или, наконецъ, подъ вліяніемъ убѣжденія, что нѣтъ ничего лучше, какъ жертвовать собою за другихъ. Но наиболѣе простое и яркое проявленіе такого образа дѣйствія будетъ тогда, когда человѣкъ, увидавъ тонущаго, бросается спасать его, совершенно не занимаясь разсужденіями и взвѣшиваніемъ различныхъ ощущеній.

Намъ нельзя согласиться съ узко-утилитарнымъ, а также гедонистическимъ объясненіемъ нравственности еще потому, что при такихъ объясненіяхъ нравственнаго поведенія чувство нрав-

¹⁾ Эту необходимость дѣйствовать на пользу другихъ мы бы назвали болѣе правильнымъ называть во избѣжаніе недоразумѣній вмѣсто чувства нравственнаго долга нравственнымъ импульсомъ.

ственного долга (нравственный импульсъ), принадлежащее къ наиболѣе яркимъ и сильнымъ проявленіямъ душевной дѣятельности, оставалось бы въ сторонѣ и являлось какъ бы ненужнымъ. При такихъ построеніяхъ нравственности поведение человека обуславливалось бы или обсужденіемъ вопроса о томъ, какъ практичнѣе поступить въ томъ или другомъ случаѣ, или взвѣшиваніемъ соображеній о томъ, при какомъ рѣшеніи можно получить наибольшее удовлетвореніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ нравственное рѣшеніе въ наиболѣе типичныхъ случаяхъ вытекаетъ, какъ непреодолимая сила, непосредственно изъ глубины душевной природы человека.

«Свести общественность животныхъ, — говоритъ Крапоткинъ, — къ любви и симпатіи, значитъ сузить ея всеобщность и ея значеніе, — точно такъ, какъ и людская этика, основанная на любви и личной симпатіи, ведетъ лишь къ суженію понятія о нравственномъ чувствѣ въ цѣломъ. Я вовсе не руководствуюсь любовью къ хозяину даннаго дома, котораго часто совершенно не знаю, когда, увидавъ его домъ въ огнѣ, схватываю ведро съ водой и бѣгу къ его дому, хотя бы нисколько не боялся за свой: мною руководитъ болѣе широкое, хотя и болѣе неопредѣленное чувство, вѣрнѣе инстинктъ общечеловѣческой солидарности, т.-е. круговой поруки между всѣми людьми, и общительности. То же самое наблюдается и среди животныхъ. Не любовь и даже не симпатія (понимаемая въ истинномъ значеніи этихъ словъ) побуждаютъ стадо жвачныхъ или лошадей становиться въ кругъ, съ цѣлю защиты отъ нападенія волковъ; вовсе не любовь заставляетъ волковъ соединяться въ своры для охоты, точно также не любовь заставляетъ ягнятъ и котятъ предаваться играмъ, и не любовь сводитъ вмѣстѣ осенніе выводки птицъ, которые проводятъ вмѣстѣ цѣлые дни почти всю осень. Здѣсь выступаетъ инстинктъ общительности, который медленно развивался среди животныхъ и людей въ теченіе чрезвычайно долгаго періода времени эволюціи, съ самыхъ раннихъ ея стадій, и который научилъ въ равной степени животныхъ и людей сознать ту силу, которую они пріобрѣтаютъ, практикуя взаимную помощь и поддержку, и сознать удовольствія, которыя можно найти въ общественной жизни» ¹⁾,

¹⁾ П. Крапоткинъ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Пер. Батуринскаго. 1907, Спб., стр. 6—7.